

ЛІТЕРАТУРА

1. Frisch M. / Johnson U. : Der Briefwechsel 1964-1983 / Max Frisch, Uwe Johnson. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1999. – 438 S.

УДК 821. 111 – Блейк.09

Щербина В.В.
(Харьков, Украина)

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО У. БЛЕЙКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

У статті розглядається художній світ поезії У. Блейка, визначено його спільні та відмінні риси у порівнянні з творчістю руських символістів. Проведено аналіз поетичних збірок Блейка «Песни Невинности» та «Песни Опыта».

Ключові слова: поетичне бачення, образний світ, лірика, духовний ідеал.

В статье рассматривается художественный мир поэзии У. Блейка в его притяжениях и отталкиваниях с творчеством русских символистов. Проводится анализ поэтических сборников Блейка «Песни Невинности» и «Песни Опыта».

Ключевые слова: поэтическое видение, образный мир, лирика, духовный идеал.

The article deals with the analysis of W. Blake's poetry in the view of creative activity of Russian symbolists. Blake's books "The Songs of Innocence" and "The Songs of Experience" are taken into consideration.

Key words: poetic perception, image structure, lyrics, spiritual ideal.

В России имя У. Блейка, поэта, художника, визионера, стало известно в 1834 году, когда в журнале «Телескоп» появилась первая заметка о жизни и творчестве поэта, но настоящее открытие поэзии Блейка русскими читателями произошло лишь на рубеже XIX-XX веков. Блейковская свобода, неприятие всяческих канонов, сложная символика его произведений были особенно близки представителям русской символистской поэзии, которые считали себя наследниками всей мировой культуры. Первые переводы стихотворений Блейка на русский язык были сделаны К. Бальмонтом в 1900 году и включены в книгу переводов «Из мировой поэзии». Бальмонт был не единственным поэтом-символистом, высоко оценившим напряженные духовные искания, сложный процесс самопознания, отразившиеся в стихотворениях и «пророческих поэмах» Блейка. Культ Блейка получил дальнейшее развитие в кругу русских символистов, увидевших в Блейке собрата по духу. Творчеством поэта, стоявшего вне литературы своего времени, восхищались многие представители русской символистской поэзии. Стихотворения Блейка переводили В. Брюсов, Вяч. Иванов, Ю. Балтрушайтис.

© Щербина В.В., 2011

Цель данного исследования – выявить традиционные образы поэзии Блейка, определить специфику их развития и сопоставить их с образным миром русской символистской поэзии конца XIX – начала XX веков.

Творческое наследие Блейка велико и разнообразно: от глубоких философских стихотворений и «пророческих поэм» с их многоплановостью, мифотворчеством и сложнейшей символикой до едких, живых эпиграмм, разоблачающих общечеловеческие пороки и социальные язвы тогдашней Англии. Сборник «Поэтические наброски» (1783) стал единственной книгой Блейка, опубликованной при жизни поэта. В стихотворениях «К весне», «К лету», «К осени», «К зиме», первых философских произведениях Блейка звучит идея о цикличности человеческой жизни. Пейзажи, созданные Блейком, подвижны и динамичны. Поэт изображает природу как огромное человеческое существо. Приход весны для поэта – святое таинство, преображающее земной мир: «Перекликаются холмы и доли; / Глаза на твой блистающий шатер / Устремлены: в наш край стопой святой / Шагни через восточную грядку» («К весне») [1: 37]. Весна в стихотворении Блейка облечена в «благоуханную одежду», перед ней преклоняются стихи, и раскрывает объятия все живое. С образом Весны связан и второй план стихотворения. Поэт отождествляет Весну с Мессией, приход которого знаменует начало новой жизни. Подобная трактовка сохраняется и в более поздних стихотворениях поэта. Так, в стихотворении «Весна», где раскрывается тема умирания-воскресения, звучит не только песня радости по поводу пробуждения природы, но и отчетливо слышны трубы Страшного Суда: «Трубный звук / Смолкнул вдруг / И кругом / Птичий гам! Слышу я / Соловья – / И для всех / Звонкий смех! / Весело, весело, приходи, Весна!» («Весна») [2: 63].

В поэзии русского символизма весна представляется очистительной преображающей силой, несущей человеку и природе освобождение от зимнего плена. В стихотворении Вяч. Иванова «Горная весна» мир изображается неустойчивым зыбким, скрытым «глубинной весенней пленой», едва вызревающим из пустоты зимней природы. Весна сжигает белизну без остатка, но при этом не спешит вернуть пробуждающейся природе яркие краски: «А кущи оголенные, / Как выходцы могил, / Серееющими тенями / Прямы стоят и ждут» («Горная весна») [3: 115]. Лирическому герою стихотворения Ю. Балтрушайтиса «Вешние струны» приход весны несет надежду на обретение гармонии и духовного покоя: «И грудь, дышавшая лишь болью, / Дивясь полдневному раздолью, / Его лазурь и зной, как мед, / В забвеньи детском жадно пьет» («Вешние струны») [4: 223].

Живая, одухотворенная, тонко чувствующая весенняя природа несет страдающему человеку забытое ощущение полноты бытия. Образ лета, символизирующий следующий период в жизни человека, связан в поэзии Блейка с темой Вечности. Представления о лете соотносятся в творчестве поэта с представлениями о сияющем, как летний день, рае: «Мы слушали твой голос в гуще леса, / Когда по небу в знойной колеснице / Катился полдень» («К лету») [1: 39]. Все проходит – остается лишь вечный полдень, то время, на которое замерли часы в недрах мироздания. Лето символизирует и неизменность земного мира, заложенное в нем вечно молодое начало. Летняя природа живет полной жизнью настоящего дня. Тема вечного полдня звучит в стихотворениях Ю. Балтрушайтиса «Аллея», «Путь к синеве», «Аккорды», «Раздумье». Летняя природа не нуждается в преобразении, потому что сама являет образ Вечности: «Кровь земляники... / Мшистые пни... / В полдень великий / Сладко в тени» («Аллея») [4: 151]. Чем прекраснее и ярче летний

полдень жизни человека, тем острее возникает в нем мучительная тревога, вызванная мыслью о быстротечности бытия: «Так снилось – так было... / И полдень и лето / Погасли у края стези... / И тщетно их цвета / В тревоге унылой / Ишу я вдали и вблизи...» («Путь к синеве») [4: 138].

Если прозрачный, полный бесплотного света летний пейзаж в стихотворениях Блейка символизирует небесный рай, перенесенный на землю, то «отягощенная плодами» осенняя природа олицетворяет сбросивший «духовные оковы» и жаждущий плотской любви земной мир: «Тугой бутон раскрыл светилу полдня / Свои красы; по всем прожилкам с дрожью / Текла любовь! Цветы венков свисали / Над лбом рассвета и зари вечерней» («К осени») [1: 41]. В стихотворениях Блейка, посвященных временам года, ощущается влияние творчества Мильтона, который был для Блейка не только великим поэтом и учителем, но и пророком, предсказавшим наступление новой религиозной эры. Осенняя природа Блейка – это тоже рай, но уже другой – обретенный людьми после грехопадения. Красочные детали пейзажа определяют общую тональность стихотворения, которое звучит торжественно и величественно.

Осенний пейзаж в стихотворениях многих поэтов-символистов связан с темой умирания-воскресения. Природа осенью вянет, умирает, но вместе с тем готовится воскреснуть. В стихотворении К. Бальмонта «Осень» через образы природы раскрываются переживания человека: «Осень. Мертвый простор. Углубленные грустные дали. / Завершительный ропот шуршащих листвою ветров» («Осень») [5: 260]. Жизнь лирического героя соотносится поэтом с судьбой сорванного пожелтевшего листа. Человек и лист скользят на грани жизни и смерти. Они оба находятся во власти роковой силы, безучастной к их бесконечным метаниям. Так в природе повторяется то, что кажется человеку его личной, исключительной трагедией. Тема жертвенности природы раскрывается в стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Путь к синеве»: «Лишь слышу я шорох / Осенней печали; / Немолчной в заглошшем кругу... / И листья опали, / И мертвый их ворох / Встречаю на каждом шагу» («Путь к синеве») [4: 139]. В стихотворении З. Гиппиус «Осень» природа предстает и палачом, и жертвой. Она уничтожает сама себя, рвет на части свое тело, страдая и плача от ран, которые наносит себе сама. Природа умирает светло и величественно, предчувствуя очищение, которое несет зима. Лирическая героиня стихотворения восторженно вглядывается в загадочный лик осенней природы, прислушивается к ее вещим голосам, пытаясь постичь тайны мироздания. Душа лирической героини стремится исчезнуть во всемирном энергетическом потоке, обновиться и возродиться для новой жизни: «Там сумрак, там сладость, / Все Осени внемлет, / И тихая радость / Мне душу объемлет. / Приветствую смерть я / С безумной отрадой, / И муки бессмертья / Не надо, не надо» («Осень») [6: 61].

Природа проходит смертную агонию осени для того, чтобы во всем ослепительном блеске воссияла зима. В творчестве поэтов-символистов зимняя природа связана с темой ожидания прихода Мессии. Зима – время после смерти и до возрождения, таинственное время, которое не представлено в жизни человека, но есть в жизни природы. Царство зимы принадлежит неземному миру. Апокалипсические мотивы широко представлены в символистской поэзии. В творчестве А. Блока лирический герой уже не может любоваться светлым снежным покоем, и «морозное чудо» часто воплощает представление о неумолимом роке, о могучей стихии, дыхание которой ощущает человек.

Метельная, ночная сторона зимы особенно преобладает в поэзии Блока. Так лирическим героям стихотворений «Снежная вязь», «На зов метелей» зима дарит ощущение полета, открывая перед ними «миллионы бездн». Метель поднимает лирического героя вывысь, осыпая его звездной россыпью. Человек целиком растворяется в стихии, не противится ей и воспринимает ее как закон собственной души: «Белые встали сугробы, / И мраки открылись. / Выплыл серебряный серп, / И мы уносились, / Обреченные оба / На ущерб» («На зов метелей») [7(2: 219)]. В стихотворении «Сердце предано метели» Блок меняет сущность самого снега, создавая образ «снежного костра». Поэт указывает на родство снежной и огненной стихий, одинаково способных обжечь душу человека: «Я сам иду на твой костер! / Сжигай меня! / Пронзай меня, / Крылатый взор, / Иглою снежного огня!» («Сердце предано метели») [7(2: 251)]. Снег в поэзии Блока мглистый и непрозрачный, он преграждает путь к солнцу, наводит мрак на небо. По мнению многих литературоведов, в творчестве поэта преобладает темная, демоническая ипостась снега.

Иным представляется снег в одноименном стихотворении З. Гиппиус. Он мягкий, бесшумный, распахивающий простор и окрыляющий лирического героя. Человек воспринимает снег как чудо, возникающее ниоткуда и исчезающее бесследно по прихоти неведомой силы: «Опять он падает, чудесно молчаливый, / Легко колеблется и опускается. / Как сердцу сладостен полет его счастливый! / Несуществующий, он вновь рождается» («Снег») [8: 27]. В одноименном стихотворении А. Белого зима своей волшебной силой приостанавливает жизнь природы, погружая ее в сон, сковывая своим ледяным великолепием. Царство льда при этом не кажется мертвым, оно дарит человеку энергию и пробуждает в нем жажду жизни: «Лицо изрежет ветер резкий, / Прохлещет хладом вглубь аллея; / Ломает хрупкие подвески / Ледяных, звонких хрусталей. / Наваяв синий, синий иней / В стеклянный ток остывших вод» («Зима») [9: 221]. В стихотворении явно ощутимо влияние пушкинской трактовки зимы и зимнего пейзажа.

В «Зимних сонетах» Вяч. Иванова мрачное и святое сливаются воедино. Облик природы соответствует особому душевному состоянию лирического героя цикла. Душа человека омертвела, перед ней разверзлась «могила вечности». В стихотворении отчетливо звучит мотив «выдыхания жизненного огня»: «Оледенел родник текучего огня! / Оледенел ключ влаги животворной» («Зимние сонеты») [10: 207].

В западноевропейской поэзии картины зимней природы обычно не вызывают ни радостных, ни восторженных чувств. Так, в стихотворениях европейских поэтов XIX века господствует мотив утраты, увядания, старческой печали. В творчестве У. Блейка зима трактуется неоднозначно. В стихотворении «К зиме» поэт изображает зиму как мрачную и величественную роковую силу, убивающую волю к жизни и обезоруживающую человека: «Над зияющею бездной / Несется тяжело свой грозный скипетр / Воздев и стаю бурь спустив с цепи. / Окованы они ребристой сталью» («К зиме») [1: 43]. Постепенно облик зимы преобразуется, теряет прежнее величие, приобретает пугающие, ненавистные каждому человеку черты. Поэт отождествляет зиму со смертью. Для него зима – уничтожение бытия, время гибели всего живого, последний час природы: «Страшилище шагает – кожа / Да кости – а под ним утесы стонут. / вот-вот разденет землю, чтоб морозом / Дыханье жизни хрупкой умертвить» («К зиме») [1: 43]. Зима отнимает тепло и свет, внушая человеку ужас перед неизбежностью смерти. Зимний холод в поэзии Блейка возвещает о конце мира и угасании всех источников жизни.

Необычность и сложность художественного мышления Блейка в полной мере отразились в двух поэтических сборниках – «Песни Невинности» (1789) и «Песни Опыта» (1793). Стихотворения Блейка связаны между собой тончайшими нитями и приобретают истинное звучание только в контексте всего цикла. Стихотворения в книге «Песни Невинности» объединены глубокой библейской метафорой: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Матф., 18:3]. Для поэта невинность – это не только отсутствие опыта и знания, а инстинктивная, ничем не обусловленная, вера в Бога. Именно такая неосмысленная вера приближает человека к Богу. В период написания «Песен Невинности» Блейк находился под сильным влиянием идей шведского философа и теолога Э. Сведенборга, создателя «новой церкви», который, как и Блейк, был визионером. По мнению философа, в каждом человеке заключено небо в мельчайшей форме, а мир земной является точным соответствием мира небесного, только менее совершенным и одухотворенным. Дитя и Агнец, символизирующие Христа, являются центральными образами в книге «Песни Невинности». Тема божественной защиты раскрывается во многих стихотворениях сборника. Милосердный Бог заботится о своих детях, страдает рядом с ними, наставляя их на путь истинной духовности. В образе пастуха в одноименном стихотворении Блейка легко угадывается Небесный Пастырь, охраняющий всех, кто верит в Него: «До заката овечек пасет – / Доли лучше на свете и нет! / Ибо слышит он агнцев своих, / Бережет их все ночи и дни; / Овцы паствою мирно идут – / Ибо пастыря знают они» («Пастух»)[2: 27]. Строки стихотворения звучат как прямая реминисценция из Евангелие: «Овцы мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за мною» [Иоанн., 10: 28].

Мысль о божественности человеческой природы, об идентичности человека и Бога звучит в стихотворениях Блейка «Святой Образ», «Агнец», «Колыбельная». В стихотворении «Святой Образ» поэт прямо называет основные христианские добродетели, важные и для земной, и для небесной жизни: «Добро, Терпимость, Мир, Любовь / Все это Бог Благой. / Добро, Терпимость, Мир, Любовь / Все это мы с тобой. / Ведь наше сердце у Добра, / Терпимость льет нам свет. / Святой наш образ у Любви – / И Мир, как мы, одет» («Святой Образ») [2: 55]. Человек, исповедующий эти непреложные истины, способен создать образ Вечности на земле. Следуя за Сведенборгом, Блейк считает, что Вечность – сокровенная обитель человеческого духа, предполагающая единение с Богом. Земная жизнь человека – путь души из Вечности обратно в Вечность. По мнению поэта, детским душам, сохранившим память о Вечности, даровано божественное видение. Именно дети способны духовным взором, незамутненным знаниями о земном мире, постигать явления, скрытые от простого глаза. В стихотворении Блейка «Песня няни» дети верят лишь в радость, в единственное ощущение, которое они принесли из вечности в земной мир: «Так радостен свет! / Какой же может быть сон! / Еще не закат, и птички не спят, / И пестреет овечками склон!» («Песня няни») [2: 67]. Для Блейка невинность – не просто идиллия и царство мечты, но важное духовное качество, хранящее память о том, каким должен быть мир.

В стихотворении «Агнец» Блейк показывает, как ребенок приходит к пониманию Бога. И агнец, и дитя созданы Богом, в каждом из них воплощен божественный образ: «Я дитя, и Агнец ты – / И у нас его черты! / Милый Агнец, Бог с тобой» («Агнец») [2:

33]. Согласно философской концепции Блейка, дети приносят в земной мир не только память о Вечности и божественную благодать, но и способность искренне радоваться и быть счастливыми. Не ведая о жестокости земного мира, дети верят лишь в Радость. Даже смерть для них – пробуждение к лучшей жизни. Эту веру они также принесли из Вечности: «Смеется Роща, смеется мы, / И эхом смеющимся вторят холмы, / И птицы звенят, оглашая дол, / И в тени накрыт с угощением стол – / А ну-ка с нами веселья испей / И хохотом, хохотом радость излей» («Веселая песня») [2: 51].

В поэтический сборник Блейка «Песни Невинности» вошли не только идиллические пасторали и хвалебные гимны справедливому христианскому Богу. В финальном стихотворении «О скорби ближнего» тема печали и страданий доминирует над темой радости и счастья. Поэт раскрывает проблему земных невзгод с христианской позиции. Человек жалеет ближнего, потому что его самого жалеет Бог: «Как на страждущих смотреть / И при этом не скорбеть? / Как отцу при детском плаче / Не пролить слезы горячей?» («О скорби ближнего») [2: 73].

В начале 1790-х Блейк переживает глубокий духовный кризис, который во многом меняет эстетические взгляды поэта и его отношение к миру. Сложное душевное состояние поэта отразилось при написании второго поэтического сборника «Песни Опыта». Каждому стихотворению из книги Блейка «Песни Невинности» находится свое соответствие во втором сборнике поэта, который как бы вступает в полемику с самим собой. Если в первой книге Блейк повествует об идиллической Вечности и внеземном существовании души, то теперь поэт переносит свое внимание на земную реальность. Новую концепцию Блейка можно во многом назвать натуралистической. Поэт утверждает, что истинная духовность заложена в самой природе и в естественных устремлениях человека, в победе которых Блейк видит торжество Воображения над бесплодным косным Разумом. Холодным отчаянием наполнено стихотворение Блейка «Ответ Земли». Поэт создает новый образ Бога, который из благостного и милосердного превращается в бесчувственного деспота и тирана: «Творец, внимаю, дрожа. / Самовлюбленный Творец! / О, стражник жестокий, страх! / Меркнут в ночи / Света лучи, / Юность не может жить в кандалах» («Ответ Земли») [2: 79]. Богу-мучителю, сковавшему цепями любовь, может противостоять лишь поэт, способный извратить мир от «оков разума» и просветлить хаос.

Как известно, тема долга художника, исключительности его личности, хранящей духовность и верность нравственным заветам, звучит в творчестве многих поэтов-символистов. Мысль о высоком предназначении поэта звучит во многих стихотворениях А. Блока. Тема художника связана в творчестве поэта с проблемой подлинности бытия. Понимание поэтом Воображения во многом соотносится с трактовкой Блейка. Творческое Воображение – именно та сила, которая раскрепощает земной мир, указывая путь от трагизма к высокой духовности. В стихотворении «Художник» Блок так описывает святое таинство рождения поэзии: «Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную / Легкий, доселе не слышанный звон. / Вот он – возник. И с холодным вниманием / Жду, чтоб понять, закрепить и убить. / И перед зорким моим ожиданием / Тянет он еле приметную нить» («Художник») [12 (3: 145)]. Мысль об особой пророческой миссии поэта и магическом даре, выделяющем его из толпы, звучит в стихотворении К. Бальмонта «Поэт»: «Поэты. Братья. Увенчали нас / Не люди. Мы древней людей. Мы своды / Иных планет. / Мы Духа переходы / И грань – секунда, там, где наш алмаз» («Поэт») [5: 334].

Одним из общепризнанных шедевров творчества Блейка является его стихотворение «Тигр», также вошедшее в сборник «Песни Опыта». Любуясь зловещей красотой тигра, поэт размышляет о единстве и вечной борьбе темных и светлых сил в мире. По мнению Блейка, зло – такая же необходимая часть миропорядка, как и добро: «Тигр, о Тигр, в кромешный мрак / Огненный вперивший зрак / Кто посмел тебя создать? / Кто посмел от тьмы отъять?» («Тигр») [2: 111]. Тигр в данном стихотворении внушает не только страх, но и восхищение. Поэт отмечает, что Дьявол является Творцом наравне с Богом. Зло, способное сломать традиционные представления о жизни не только является символом духовной свободы, но и движет всяким развитием. О неразрывности двух противоположающихся сил во Вселенной пишет в стихотворении «Бог и Дьявол» К. Бальмонт: «Я люблю тебя, Дьявол, я люблю тебя, Бог, / Одному мои стоны, и другому – мой вздох, / Одному – мои крики, и другому – мечты, / Но вы оба велики, вы восторг красоты» («Бог и Дьявол») [5: 196].

В стихотворении Ю. Балтрушайтиса мир кажется похожим на парчу, вытканную из теней и луча. Поэт отмечает, что единство разнонаправленных сил – основа мирового равновесия, без которого жизнь представляется невозможной: «Полдень ранит, полночь лечит... / Полночь – полдень – чет и нечет... / Час добычи, час потери, / Все по прихоти и мере... / Было лаской, станет болью – / Взмахи крыльев – по раздолью...» («Полдень ранит, полночь лечит...») [4: 235]. И в символистской поэзии, и в творчестве Блейка поляриности пересекаются, не отрицая друг друга, и в этом признании и принятии «противоположных состояний» заключается необходимое условие бытия личности.

Подведем некоторые итоги. Проведенный анализ показывает, что поэзии Блейка всегда было характерно особое, внутреннее «поэтическое видение», не ориентированное ни на современную ему философию, ни на вкусы и интересы публики. Как и поэты-символисты, Блейк верил в свой пророческий дар и сохранил приверженность своим духовным идеалам до конца жизни. Мысль о человечности Христа, о необходимости духовной свободы и грядущей эпохе любви и земного рая также сближают Блейка с символистской поэзией. Тема целостности бытия и полноценности человеческого опыта, сквозная в поэзии Блейка, станет центральной и в творчестве символистов. Не признанная современниками, но во многом предвосхитившая дальнейшее развитие мировой литературы, поэзия Блейка воспринимается сейчас как необходимое звено, соединяющее духовные и художественные традиции самых разных эпох европейской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блейк В. Стихи / Вильям Блейк; пер. с англ. А. Зверев. – М.: Художественная литература, 1978. – 325 с.
2. Блейк У. Песни Невинности и Опыта / Уильям Блейк; пер. с англ. С. Степанов. – СПб.: Азбука, 2000. – 263 с.
3. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы / Вячеслав Иванов. – М.: Профиздат, 2001. – 304 с.
4. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне / Юргис Балтрушайтис. – Вильнюс: Vaga, 1983: – 319 с.
5. Бальмонт К. Д. Избранное. Стихотворения; Переводы; Статьи / Константин Дмитриевич Бальмонт. – М.: Художественная литература, 1983. – 319 с.

6. Гиппиус З. Н. Сочинения: Стихотворения. Проза / Зинаида Николаевна Гиппиус. – М.: Наше наследие, 1991. – 240 с.
7. Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 тт. / Александр Александрович Блок. – Т. 2. – М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 715 с.
8. Гиппиус З. Н. Стихи. Воспоминания. Документальная проза / Зинаида Николаевна Гиппиус. – Л.: Художественная литература, 1991. – 672 с.
9. Белый А. Стихотворения / Андрей Белый. – М.: Книга, 1988. – 573 с.
10. Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы / Вячеслав Иванов. – СПб.: Академический проект, 1995. – 480 с.
11. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 тт. / Валерий Яковлевич Брюсов. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1973. – 672 с.
12. Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 тт. / Александр Александрович Блок. – Т. 3. – М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 714 с.

УДК 821.161.2

Науменко Н.В.
(Київ, Україна)

ПИСЬМЕННИЦЬКІ НОТАТНИКИ – МОЗАЙКА ДУШІ МИТЦЯ

В статье анализируются дневники и записные книжки писателей, из которых познаются секреты их творчества, особенности мировидения и отношения к природе и искусству. Показано, что разрозненные мысли и впечатления, представленные в записных книжках, можно рассматривать не только как фрагментарные формы, но и как мозаику сложного внутреннего мира литератора.

Ключевые слова: *дневник, записная книжка, впечатление, фрагмент, внутренний мир, литературное мастерство, творческая лаборатория.*

The article presents the analysis of diaries and notebooks by different Ukrainian and Russian writers. They are very useful to cognize the secrets of their creativity, the specific features of their world view, and their attitude to nature and arts. It was shown that the thoughts and impressions, dissipated in notebooks, can be studied as not only the fragmentary forms, but also as the mosaic of a writer's complicated internal world.

Keywords: *diary, notebook, impression, fragment, inner world, literary craft, creative laboratory.*

«Як самостійний літературний жанр записники мають право на існування в літературі», – так писав у знаменитій «Золотій троянді» Костянтин Паустовський. Цю думку розвинула Віра Інбер: «Серед розмаїття жанрів, на які так багата наша література, є один, про який не заведено говорити. Можливо, це й не жанр, але це не змінює справи: маю на оці записники письменників. А тим часом вони дуже привабливі. Інколи вони подібні до

© Науменко Н.В., 2011